
АКУСТИЧЕСКАЯ
ТЕНЬ
18+

Алисия Мара
Акустическая тень

https://litres.ru/74731883
SelfPub; 2026

Аннотация

Вена — город музыки, вальсов и безупречной архитектуры. Но за фасадом имперского блеска, в сырых подвалах заброшенного поместья, звучит иная симфония.

Клеменс фон Ауэр — гениальный акустический архитектор, человек, лишенный эмпатии и видящий мир лишь как набор частот, вибраций и математических формул. Одержимый поиском «Венской нулевой отметки» — звука, способного подавить человеческую волю, — он открывает элитный пансионат «Святого Иеронима» для детей-сирот. Под видом инновационной музыкальной терапии он проводит в звукоизолированном бункере жестокие эксперименты, используя инфразвук и резонанс для стирания личности своих воспитанников.

Алисия Мара
Акустическая тень

Глава 1.Детство

Мать рассказывала, что в родильной палате Венской больницы я молчал три минуты, и врачи похлопывали меня по спине, когда я наконец издал звук. Но я уверен, что дело не в легких. Я просто прислушивался, калибровал свои барабанные перепонки под давление этого мира. Мое детство прошло в тени кладбища Святого Марка. Наша квартира на Штромайергассе пахла деревом, пылью и затхлостью — отец приносил из филармонии канифоль.Я рос в тишине. Мать почти не покидала своей спальни,и единственным звуком в нашем доме было тиканье часов и сухой, раздраженный кашель отца. Я высокий — метр девяносто два. Люди всегда смотрят на меня снизу вверх, и это дает преимущество: я вижу их адамовы яблоки, когда они лгут. У меня лицо призрака из венской оперы: кожа такая бледная, что кажется бумажной, а глаза — тёмно-серые, почти совпадающие по цвету со зрачком.

У меня почти нет ресниц, и я никогда не отвожу взгляда первым.Это нервирует их. Я заставляю чувствовать себя насекомыми под лупой. В детстве моё самое любимое место находилась в коридоре. Это был старый дубовый платяной шкаф. Там пахло нафталином и шерстью. Было тесно и тем-

но. Но когда я прижал ухо к задней стенке, я мог все хорошо расслышать. Я слышал, как капает вода на кухне, слышал, как скрипит паркет под ногами отца.Тогда я понял, что лучше всего в этом мире я понимаю различие и совокупность звуков. Меня выгнали из консерватории .Я играл Паганини без единой фальшивой ноты, но профессор сказал, что от такой игры у него стынет кровь и хочется вызвать экзорциста.Это отбило всякое желание кому-то что-то доказывать.Я перевелся в Технический университет. Чертежи, формулы, плотность материалов — здесь всё было честным. Я открыл фирму «Aural Geometry». Я проектировал спальни для богатеев в Первом районе так, чтобы они не слышали сирен с Ринга, и залы для медитаций, где звук дыхания попадал прямо в мозг, вызывая контролируемые галлюцинации. Я стал богат. Теперь ношу только темные шерстяные костюмы. Люди чувствуют пустоту, исходящую от меня.Да я и сам не стремлюсь к доверию и открытости в отношениях. **Глава 3. Синестезия** Все же мне хотелось найти единомышленника.Человеческий прибор, который чувствует фальшь в звуке на уровне физиологии. Так я нашел Магдалену Райнер. Наша встреча произошла архиве Общества старинной музыки. Она казалась похожей на встревоженного воробья: рыжие кудри, огромные очки, нервные пальцы.Я будто случайно завёл разговор о музыке и она призналась,что страдает синестезией. Для нее фа-диез мажор — это вкус перезревшей сливы и текстура бархата.

Она физически не может находиться в помещении с плохой акустикой — у нее начинается рвота от «визуального шума» отраженных волн. Я нанял ее ассистенткой. Она стала называть меня «Маэстро». Магдалена верит, что мы спасаем мир. Когда я тестирую инфразвуковой резонанс в подвале нашей лаборатории, она сидит за стеклом с датчиками, и ее лицо светится благоговением. **Глава 4. Проект** Вместе мы приняли решение основать проект,названный «Пансионом Святого Иеронима».

На бумаге — инновационная школа-интернат для одаренных детей с расстройствами аутистического спектра в Венском лесу, в старом поместье графа Кински. На деле — открывшиеся возможности для экспериментальной музыки.Государство выделило мне грант. Магдалена, со слезами радости на глазах, подписала документы о директорской ответственности. Пансион открыли в старинном прместье возрастом чуть более триста лет. Снаружи осталась облупившаяся лепнина, статуи ангелов и заросший фонтан. Внутри, в западном крыле, я принял решение создать так называемый «Зимний сад». Это был бетонный бункер, уходящий на три этажа под землю. Окна были фальшивые. Экраны, транслирующие статичное изображение снега. Пол выложен плиткой из старого костела, которая идеально проводит вибрацию.

Стены «Зимнего сада» стали моим главным инструментом. Я обшил их звукоуловителями скамьями из мореного дуба, медными листами и слоями войлока, пропитанного со-

левым раствором. Каждая поверхность безукоризненно настроена на свою частоту. В центре зала стоит кресло из литой стали, к которому подведены пневматические приводы. Над ним — массивная бронзовая люстра, которая являющаяся направленным излучателем. Моими подопечными стали дети из приютов,возрастом от шести до десяти лет. Сироты, от которых отказались. Магдалена выбирала их сама, читала сказки и обещала музыку ангелов. Теперь она одевает их в одинаковые серые фланелевые пижамы. Мой метод не требует насилия.

Насилие создает шум,учащенный пульс и крик.Поэтому мы используем колыбельные. Я взял «Wiegenlied» Брамса и замедлил ее до 42 ударов в минуту, пропустил через фильтры, убрав все обертона, оставил только чистый тон. Вечером Магдалена заводит детей в «Зимний сад». Они ложатся на пол. Я гашу свет, оставляя только тусклое дежурное освещение, подключаю кресло. Люстра начинает едва заметно вибрировать. Я сижу в операторской, глядя сквозь одностороннее зеркало. Магдалена стоит рядом, прижимая руки к груди. — Посмотрите, Маэстро, — шепчет она. — Посмотрите на Лео. Он больше не грызет себе руки. Он спокоен. Вы исцеляете их. Я смотрю на Лео. Мальчик лежит на полу, его глаза широко открыты, но они не двигаются. Зрачки расширены до предела. Его дыхание замедлилось до двух вдохов в минуту. Он не спокоен. Его мозг сейчас — это чистый лист, влажная глина. Я ввожу вторую частоту — 110 Гц. Это

резонанс страха. Но в сочетании с колыбельной он не вызывает паники. Он вызывает импринтинг. В своем журнале я пишу: *«Субъект 4. Время экспозиции: 18 минут. Критическое мышление подавлено. Дофаминовый отклик на внешние раздражители (свет, голос) равен нулю. Нейропластичность на пике. После трех сеансов внедрения базовых команд (сидеть, ждать, отдать) можно переводить на следующую фазу»*.

Магдалена же пишет в своем дневнике о «чуде преображения». **Глава 5. Симфония** Детский мозг слишком мягок. Он принимает форму, но не держит удар. Мне нужна сформированная, сопротивляющаяся психика. Мне нужно доказать, что моя «Венская нулевая отметка» работает на взрослых. Так был получен контракт на инсталляцию в Концертхаусе. Золотой зал. Священное место.Проект получил название «Тишина пустых комнат». Магдалена помогала мне монтировать оборудование. Мы прятали пьезоэлектрические резонаторы в пустоты старинных вентиляционных шахт, замаскировав их под фильтры от пыли. Она думала, что это помощь слабослышащим — чтобы они чувствовали вибрацию оркестра. Сегодня премьера. Зал полон. В партере — министр культуры, послы, директора банков. Все в бриллиантах и смокингах. Я стою в подвальной аппаратной, за стеной из свинца. Я начинаю с Дебюсси. «Лунный свет». Публика расслабляется, дамы обмахиваются веерами. Я даю им две минуты. Затем я ввожу «Сигму».

Это не громкий звук. Это частота 7 Гц. Инфразвук. Он ниже порога слышимости, но он входит в резонанс с альфа-ритмами человеческого мозга. В аппаратной тихо, но я чувствую, как вибрирует пол под моими ногами,смотрю на мониторы. Камеры в зале. Министр культуры перестал кивать. Его рука, держащая программку, замерла в воздухе. Дама рядом с ним больше не моргает. Ее губы слегка приоткрыты. Никто не кашляет. Никто не шуршит шелком. Я увеличиваю амплитуду. Я хочу увидеть момент «обнуления». Внезапно дверь аппаратной содрогается от удара. — Маэстро! Откройте! — Это голос Магдалены. Она кричит так, как не кричала никогда. — Что вы делаете?! У них кровь из носа! Они не дышат! Я смотрю на нее через толстое стекло. Она плачет, ее очки сползли на кончик носа. Она выглядит глупо. — Они чисты, Магдалена, — говорю я в интерком. Мой голос звучит ровно. — Я убрал шум. Шум их жизней, их долгов, их страхов. Осталась только форма и идеальная тишина.

Я нажимаю рычаг, блокируя стальную дверь. Она начинает бить по стеклу кулаками, но звук удара почти не проникает внутрь. Я возвращаюсь к пульту. Я вывожу «Сигму» на максимум. В Золотом зале Концертхауса гаснет свет. Аварийное освещение не включается — я закоротил его заранее. В абсолютной темноте, нарушаемой лишь тусклым свечением экранов мобильных телефонов, которые никто не может опустить, сидят 1600 человек. Я снимаю беруши, жду звука

идеальной гармонии. Но вместо этого я слышу щелчок. Совсем рядом. Это лопнула лампа дневного света под потолком аппаратной. Вибрация вернулась. Затем я чувствую острую боль в коренных зубах.

Эмаль почти трескается от резонанса, запертого в бетонном кубе подвала. Частота, не найдя выхода в зал, начала пожирать саму себя. Она ищет самую твердую точку для резонанса. И эта точка — мой череп. Я падаю на колени. Мои пальцы, всегда такие точные, скрючиваются. Комната качается. В Золотом зале, в миле от меня, сотни людей медленно, беззвучно оседают на бархатные кресла. Их глаза открыты. Они смотрят в темноту, которая наконец-то стала абсолютно пустой. Я улыбаюсь. Мне удалось. Я создал звук, который убивает только шум, оставляя сосуд нетронутым. Я закрываю глаза, проваливаясь в ту самую темноту шкафа из своего детства. Только теперь в этой темноте нет тиканья часов.

Интерлюдия. Частота Лео Моего самого податливого пациента зовут Лео. Ему семь лет. Когда Магдалена привезла его из приюта в Линце, он пах хлоркой и страхом.

Он страдал эхолалией — повторял за людьми последние слоги слов, и постоянно грыз себе костяшки пальцев до мяса, пытаясь заглушить шум внутри своей головы. Магдалена называла его «зверьком». Сегодня третий сеанс в «Зимнем саду». Я сижу в операторской, отделенной от зала толстым бронированным стеклом. Магдалена стоит рядом, кутаясь в кардиган. Она дрожит от восторга. — Посмотрите

на его плечи, Маэстро, — шепчет она. — Вчера они были у самых ушей. А сегодня... посмотрите, какая линия. Он расслаблен. Я смотрю на мониторы. Лео лежит на полу в центре зала, там, где сходятся векторы вибрации. На нем серая фланелевая пижама. Его руки вытянуты вдоль тела ладонями вверх. Это не поза покоя. Это поза препарированной лягушки на лабораторном столе.

Я начинаю с настройки среды. Медленно, в течение сорока секунд, я понижаю температуру в зале до двенадцати градусов. Холод заставляет кровь отливать от конечностей, делая слух острее. Затем я гашу свет. Остается освещение, которое не влияет на выработку мелатонина, но лишает человека чувства времени. Я надеваю наушники. В них — тишина. Все, что я сейчас запущу, Лео услышит не ушами. Он услышит это теменем и крестцом. Я ввожу 42 Герца.Бетонный пол под Лео едва заметно вздрагивает. На мониторе я вижу, как расширяются его зрачки. Он не моргает. Эхолалия требует движения мышц лица, но его лицевые нервы сейчас получают противоречивые сигналы от вестибулярного аппарата. Мозг отключает моторику, чтобы спасти процессор от перегрузки. — Он улыбается, — выдыхает Магдалена. — Маэстро, посмотрите, он впервые улыбается! Она права. Уголки губ Лео слегка приподняты. Но это не улыбка радости. Это называется «risus sardonicus» — сардоническая усадка, непроизвольный спазм лицевых мышц, возникающий при поражении ствола мозга или, в данном случае,

при полном сенсорном параличе. Его лицо больше ему не принадлежит.

Оно принадлежит мне. Я ввожу вторую частоту. 110 Герц. Это частота паники, резонанс человеческого крика. Но я не даю ей идти в лоб. Я пропускаю ее через фильтр «колыбельной» — ту самую замедленную мелодию Брамса. В сознании Лео происходит химическая аннигиляция.Мозг не может обработать этот парадокс. Я переключаю камеру на макрообъектив. Лицо Лео заполняет весь экран. Его нижняя губа начинает дрожать. Но это не начало плача. Это высокочастотная вибрация, как у туго натянутой гитарной струны перед разрывом. Затем он делает вдох.

Это самый долгий вдох, который я когда-либо регистрировал. Двадцать секунд. Его грудная клетка поднимается, но диафрагма не опускается обратно. Он забыл, как выдыхать. Его организм перешел в режим накопления кислорода, как у дайвера перед погружением на глубину в сто метров. Магдалена прижимает руку ко рту. По ее щеке катится слеза. — Он... он светится, — шепчет она. — Кожа стала почти прозрачной. Он похож на ангела, Маэстро. Она видит эстетику.Видит, как кровь отливает от его щек, делая кожу алебастровой. Пульс Лео — 28 ударов в минуту. Температура тела упала до 34.8. Его мозг сейчас генерирует дельта-волны — такие же, как у человека в коме или у младенца в утробе. Я ввожу третью фазу. Тест на импринтинг. Я говорю в микрофон, и мой голос звучит из скрытых динамиков

в плинтусах. Низкий, лишенный интонаций баритон. Лео на полу не двигается. Но его правая рука, лежавшая ладонью вверх, медленно, миллиметр за миллиметром, сгибается в локте. Пальцы разжимаются. Он отпускает пустоту. Он не смотрит на дверь. Он не пытается спрятаться. Команда «Отдай» была воспринята его стирающимся сознанием буквально. Он отдал концепцию владения. Магдалена этого не замечает. Она плачет от умиления, глядя на его «ангельскую» расслабленность. Я решаю проверить предел. Я добавляю 7 Герц. Инфразвук. Частота «Венской нулевой отметки». Вибрация пола становится почти невидимой, но я чувствую, как она проходит сквозь подошвы моих ботинок, поднимается по костям ног и вонзается в таз. Реакция Лео мгновенна. Его глаза, до этого просто широко открытые, начинают двигаться. Но они не смотрят по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.